

УДК 811.512.1:81'373.612  
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-94-103

## К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ СЛОВОФОРМЫ ЭЛЕК В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ СИБИРИ

*М.Т. Тойчиев*

*Аннотация.* Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что установлены этимологическая общность словоформ *эле* и *элек* и их связь с древнетюркским глаголом *эр*; решена проблема адекватной обобщающей интерпретации процесса реализации модальности ещё неосуществлённого действия посредством причастных форм *элек/илик* и *l-галак*. При исследовании процесса актуализации модальной семантики автор исходил из морфологической членимости словоформы *элек*, компоненты которой представляют континуум трёх семем: *будущность действия* + *категоричность* + *статальность*, которые в итоге формируют значение, «находящееся в готовности к непременному осуществлению». Такая трактовка не отменяет, а, наоборот, детализирует общеизвестную версию о механизме формирования модальности ещё неосуществлённого действия, связанном с адвербиальным значением *рано*. Полученные результаты могут представлять практический интерес в плане их использования в процессе обучения студентов и аспирантов с целью постановки новых исследовательских задач.

*Ключевые слова:* кыргызский язык; тюркские языки Сибири; вспомогательный глагол; частица; категоричность; аффикс; статальность; парадигма; неосуществлённое действие.

---

## СИБИРДЕГИ ТҮРК ТИЛДЕРИНЕ САЛЫШТЫРМАЛУУ КЫРГЫЗДЫН ЭЛЕК СӨЗ ФОРМАСЫНЫН ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯЛОО МАСЕЛЕСИНЕ КАРАТА

*М.Т. Тойчиев*

*Аннотация.* Изилдөөнүн теориялык жана практикалык мааниси *эле* жана *элек* сөз формаларынын этимологиялык жалпылыгы жана алардын байыркы түрк этиши *эр* менен байланышы аныкталгандыгында; *элек/илик* жана *l-галак* чакчыл формалары аркылуу ишке ашырылбаган иш-аракеттердин модалдуулугун ишке ашыруу процессин адекваттуу жалпылоочу чечмелөө маселеси чечилди. Модалдык семантиканын актуалдаштыруу процессин изилдөөдө автор *элек* сөз формасынын морфологиялык муунактуулугунан баштаган, анын компоненттери үч сөздүн бирикмесин: *аракеттин келечеги* + *чечкиндүүлүк* + *белгисиздик* маанилерин билдирип, алар акырында «дароо ишке ашырууга даяр турган» деген маанини түзө тургандыгын аныктаган. Мындай чечмелөө жокко чыгарбайт, тескерисинче, эрте адвербиалдык мааниси менен байланышкан али ишке ашырыла элек иш-аракеттин модалдуулугун калыптандыруу механизми жөнүндө жалпыга белгилүү божомолду деталдаштырат. Алынган натыйжалар жаңы изилдөө маселесин аныктоо максатында студенттердин жана аспиранттардын окуу процессинде аларды колдонуу жаатында практикалык кызыгууну жаратышы мүмкүн.

*Түйүндүү сөздөр:* кыргыз тили; Сибирдин түрк тилдери; жардамчы этиш; бөлүкчө; чечкиндүүлүк; аффикс; белгисиздик; парадигма; ишке ашырылбаган иш-аракет.

---

## TO THE ISSUE OF ETYMOLOGIZATION OF KYRGYZ WORD FORM *ELEK* IN COMPARISON WITH THE TURKIC LANGUAGES OF SIBERIA

*М.Т. Toychiev*

*Abstract.* The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that the etymological community of the word forms *ele* and *ek* and their connection with the ancient Turkic verb *er* are established; the problem of an adequate generalizing interpretation of the process of implementing the modality of an action not yet realized by means of the participial forms *ek/ilik* and *l-galak* is solved. When studying the process of actualization of modal semantics, the

author proceeded from the morphological articulateness of the word form *elek*, the components of which represent a continuum of three sememes: *the future of action + categoricity + stotality*, which ultimately form a meaning “ready for indispensable implementation”. This interpretation does not cancel, but, on the contrary, details the well-known version about the mechanism of formation of the modality of an action that has not yet been carried out, associated with the adverbial meaning of *early*. The obtained results may be of practical interest in terms of their use in the process of teaching students and postgraduates in order to set new research tasks.

**Keywords:** Kyrgyz language; Turkic languages of Siberia; auxiliary verb; participle; particle; categoricity; affix; stotality; paradigm; unfulfilled action.

Известно, что для современного кыргызского литературного языка характерна *модальность ещё неосуществлённого действия*, реализуемая посредством словоформы *элек*. Данный способ выражения модальности не характерен для кыпчакских и огузско-уйгурских групп, а встречается только в тюркских языках Сибири, в частности, в якутском языке имеется частица *илик* с аналогичной функцией, а в алтайском, хакасском, тувинском языках данная модальная семантика выражается посредством суффикса */–галак/*. Парадигма выражения этого достаточно специфического вида модальности в этих языках представлена неодинаково: в хакасском она признана в статусе самостоятельной формы в системе прошедшего времени [1, с. 220], в тувинском представляет одну из форм будущего времени [2, с. 391], а в якутском языке выделена в числе наклонений [3, с. 239], она также функционирует в алтайском, чулымском и шорском языках.

Наиболее близкой к кыргызской является парадигма в якутском:

Из приведённых в таблицах 1, 2 материалов явствует единообразие функционирования данного деепричастного оборота в сопоставляемых языках как в формальном, так и в семантическом плане. Однако он в них трактуется по-разному: если в якутском «...значение наклонения ещё не совершившегося действия выражает частица *илик*» [3, с. 449], то в кыргызском словоформа *элек* определяется как «*глагольное отрицание со значением пока ещё не*» [4, с. 448].

Слово *илик* лингвистами-якутоведами было исследовано достаточно подробно ещё в прошлом столетии [5, с. 12], они были едины во мнении относительно его грамматического статуса как *частицы*. Его соотносённость с зоной модальности впервые была установлена И.Е. Коркиной, которая рассматривала в качестве формы

наклонения несовершившегося действия [5, с. 246–247].

Следует подчеркнуть дискуссионность вопроса о происхождении слова *илик*. И.Е. Коркина считала, что «широта его синтаксических функций» указывает на его причастное происхождение [5, с. 242], но, по мнению Н.Е. Петрова, оно было изначально служебным словом, так как «эти широкие формальные и функциональные возможности являются свойством сочетания *деепричастие + илик* в целом, а не одной частицы *илик*» [6, с. 120].

В.Г. Карпов, исследовавший данный вид модальности в хакасском языке, в этой связи упоминает труды кыргызского лингвиста Б.О. Орузбаевой: «В киргизском языке якутскому “илик” соответствует “элек”, о котором бегло упоминает в своей диссертации Б.О. Орузбаева. Так как этот формант Б.О. Орузбаевой рассматривается в главе “Вспомогательный глагол *a* и его роль в образовании прошедшего времени” наряду с формами типа “окуду эле”, “окуган экен” и т. д., то можно заключить, что Б.О. Орузбаева возводит его к вспомогательному глаголу “э”» [7, с. 122].

Полагаем, что Б.О. Орузбаева могла считать самоочевидной связь словоформы *элек* с древнетюркским глаголом *эр* хотя бы исходя из наличия начального компонента *э* в её составе; на момент написания цитируемого труда отсутствовали какие-либо обобщения относительно обстоятельств происхождения словоформ *эле* и *элек*, что затрудняло рассматривать их в общем контексте, и это, безусловно, свидетельствовало об *актуальности* вопроса фактологического подтверждения постулируемой этимологической связи упомянутых словоформ с древнетюркским глаголом *эр*.

По мнению исследователя монгольского языка Б. Лувсандоржийна, форма на

Таблица 1 – Наклонение ещё неосуществлённого действия якутского языка в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком

| Настоящее время     |      |   |  |
|---------------------|------|---|--|
| Число               | Лицо | Якутский язык<br>деепричастие на /-а/-ыы/ + ... | Кыргызский язык<br>деепричастие на /-а/-й/ + ... |
| Единственное число  | 1    | <i>иликпин</i>                                  | <i>елекмин</i>                                   |
|                     | 2    | <i>иликкин</i>                                  | <i>елексиң</i>                                   |
|                     | 3    | <i>илик</i>                                     | <i>елек</i>                                      |
| Множественное число | 1    | <i>иликпит</i>                                  | <i>елекпиз</i>                                   |
|                     | 2    | <i>иликпит</i>                                  | <i>елексиңер</i>                                 |
|                     | 3    | <i>иликтер</i>                                  | <i>елек(тер)</i>                                 |
| Прошедшее время     |      |   |  |
| Единственное число  | 1    | <i>илик этим</i>                                | <i>елек элем/болчумун</i>                        |
|                     | 2    | <i>илик этиг</i>                                | <i>елек элең/болчусуң</i>                        |
|                     | 3    | <i>илик этэ</i>                                 | <i>елек эле/болчу</i>                            |
| Множественное число | 1    | <i>илик этибит</i>                              | <i>елек элек/ болчубуз</i>                       |
|                     | 2    | <i>илик этигит</i>                              | <i>елек элеңер /болчусуңар</i>                   |
|                     | 3    | <i>илик этилер</i>                              | <i>елек эле/болушчу</i>                          |

Таблица 2 – Примеры употребления деепричастного оборота  
*деепричастие настоящего времени + илик / элек* (приведены примеры из источника [3, с. 336–337])

| Якутский язык                                 | Кыргызский язык                                   | Смысл высказывания  |
|---|---|---|
| <b>1.</b> Москваны биһиги көрө иликпит        | Москваны көрө элекпиз                             | Москву мы <b>ещё не</b> видели  |
| <b>2.</b> Эн миэхэ биһрдэ да сылда иликкин    | Сен менин үйүмдө бир да жолу боло элексиң         | Ты у меня <b>ни разу не</b> был   |
| <b>3.</b> Оҕолор оскуолаларыттан кэлэ иликтэр | Балдар али мектептен кел(иш)е элек                | Дети из школы <b>ещё не</b> пришли  |
| <b>4.</b> Мин кэлэрбэр эн тура илик этиг      | Мен келер маалда сен али тура элек элең/ болчусуң | К моему приходу ты <b>ещё не</b> вставал  |
| <b>5.</b> Былырыын мин улэҕэ киһрэ илик этим  | Былыр мен али ишке кире элек элем/болчумун        | В прошлом году я <b>ещё не</b> поступал на работу                                       |
| <b>6.</b> Урут ааҕа илик кинигэм              | Окуй элек китебим                                 | Книга, не прочитанная мною раньше   |
| <b>7.</b> Хаар түһэ илигэ мэкэйдээтэ          | Кар(дын) түшө элеги жолтоо болду                  | Помешало невыпадение /букв.: не наступившее <b>ещё</b> выпадение/ снега                 |
| <b>8.</b> Буола илиги лахсыыыма               | Боло электи айта бербэ                            | Не болтай об <b>ещё не</b> наступившем/ букв.: не болтай про <b>ещё не</b> наступившее! |
| <b>9.</b> Умна иликкэ биэриэххэ наада         | Унута электе берип коюш керек                     | <b>Пока не</b> забыли, надо отдать  |
| <b>10.</b> Кэлэ илигиттэн хотумсуйар          | Келе электе(н) чоңсунат                           | <b>Ещё до</b> приезда командует   |

/-галаг/-гелег/ «возникла в саяно-алтайских языках под непосредственным влиянием монгольского языка...» [8, с. 30]. Поддержавшая мысль о таком влиянии исследователь якутского языка Н.Н. Широбокова в свою очередь конкретизирует ареал её возникновения: «Для якутского языка и других языков Южной Сибири эта форма может рассматриваться как результат влияния древнекыргызского языка или контактного развития древнекыргызского и древнеякутского языков на каком-то ограниченном этапе (наличие модальной отрицательной частицы *елек*)» [9, с. 82].

По мнению якутского учёного Г.Г. Филиппова, «...форма на *-а/-ыы + илик (елек)* в самом тюркском языке образовалась как калька монгольской формы. Очевидно, якутский язык перенял эту форму от киргизского языка, так как она имеет как аналитический, так и синтетический варианты употребления, тогда как для якутского языка характерна только аналитическая форма на *-а/-ыы +илик*» [10, с. 128].

Н.Н. Широбокова связывала происхождение частицы *елек* с вышеупомянутой частицей *эле*, исходя, помимо прочего, и из того факта, что «наиболее непротиворечиво она этимологизируется» на материале современного кыргызского языка; как она утверждает: «Усилительная частица *элэ* очень употребительна в киргизском языке. Она может быть сопоставлена с общетюркской частицей *ла* (*элэ > э+лэ*). Это говорит о наличии в значении данной формы семы усиления, которая передаётся при переводе словом “ещё”» [9, с. 88].

Кыргызская частица *эле*, кроме аффикса сказуемости, также принимает аффикс /-к/, образуя новую словоформу *елек*, которая в свою очередь является средством выражения *ещё неосуществлённого действия*, что указывает на её функции как у частицы. Здесь она выступает в сочетании с деепричастной формой настоящего времени на /-а/-й/:

11. *Качантан бери көрө элек* [11, с. 88] / *Давно ещё не видел* [подстрочный перевод М.Т.: *здесь и далее все случаи использования авторского подстрочного перевода на русский язык иллюстративных текстов имеют целью обеспечение большей наглядности исследуемого языкового факта, и эти переводы не могут*

*рассматриваться кроме как в рамках настоящей работы*].

Эта словоформа также по типу некоторых отглагольных частиц в ряде тюркских языков принимает аффиксы сказуемости:

12. *Мен муну сага айта элекмин* [11, с. 163] / *Я об этом тебе ещё не говорила* [подстрочный перевод М.Т.].

Однако из нижеследующего примера видно, что словоформа *елек* может функционировать как полноценное «строевое» слово, способное получать падежное и лично-притяжательное оформление, что не соотнобразится с частеречной идентификацией словоформы *елек* как частицы:

13. *Агаларым согушка кетип кабар жок, – экөө тең үйлөнө элегинде кеткен* [11, с. 63] / *Нет вестей от старших братьев, воевавших на фронте – оба ушли ещё неженатыми* / букв. *когда они ещё не женились* (подстрочный перевод М.Т.).

Представителями новосибирской синтаксической школы формант *-галак*, следовательно, и *илик/елек* рассматриваются в числе причастий алтайских языков [12, с. 148–151].

Видно, что словоформы *илик* и *елек* одинаково способны выступать в качестве любого члена предложения, хотя наблюдаются отдельные различия формального свойства (см. таблицу 1 и примеры 9, 10 таблицы 2). Предикативное употребление кыргызской причастной формы *елек* в третьем лице множественного числа в прошедшем времени возможно двумя способами: а) литературным и б) диалектным; при способе (а) *елек* выступает с нулевым аффиксом, изменению подвергается смысловой глагол (посредством аффикса совместного действия /-ыш/ с фонетическими вариантами); при способе (б) *елек* принимает аффикс множественности /-лар/ с фонетическими вариантами.

Как отмечается (и видно из таблицы 2), наклонение неосуществлённого действия в якутском языке имеет две формы времени: настоящее и прошедшее. А в кыргызском языке использование данного деепричастного оборота допустимо также в плане будущего времени, и оно осуществляется посредством вспомогательного глагола *бол* в значении *быть* в форме *настояще-будущего* времени:

**14.** *Сен жеткенде, ал тура элек болот* / букв.: *когда ты доедешь, он будет ещё не вставшим (с постели).*

В якутском языке «прошедшее время наклонения неосуществлённого действия образуется сочетанием его формы настоящего времени с формой *прошедшего категорического времени* от глагола э-» [3, с. 239]. Это в полной мере относится и к деепричастному обороту со словоформой *элек*, с той лишь разницей, что она наряду с упомянутой формой времени (в грамматиках современного кыргызского языка она называется *жакынкы айкын өткөн чак* [4, с. 351–352], т. е. *недавно прошедшее определённое время*) от глагола /э-/ также может сочетаться и с глагольной формой *болчу* (см. таблицу 1).

Дело в том, что в кыргызском языке глагольная форма *болчу*, представляющая собой сочетание глагола *бол* в значении *быть, находиться*, с аффиксом /-чу/ формы прошедшего длительного времени / *адат өткөн чак* [4, с. 354], является равнозначной вспомогательному глаголу *эле* – видоизменённому варианту древнетюркской глагольной формы *э(р)ти*, и они взаимозаменяемы в качестве модификаторов форм прошедшего времени [13, с. 180].

**15.** *Данияр суудан келгенде, мен уктай элек элем* [11, с. 110] / *Когда пришёл Данияр, я ещё не спал* [11, с. 175].

**16.** *Таишчайнардан айрылгандан бери келе элек болчу* [14, с. 338] / *Со времени гибели Таишчайнара сюда она ещё не возвращалась* (подстрочный перевод М.Т.).

В кыргызском языке также употребительна слитная форма сочетания *деепричастие* на /-а/-й + *элек*:

**17.** *Бала болуп мен мындайды эч качан угалек элем* [11, с. 91] / *Ни до этого, ни после – никогда я не слышал такой песни* [15, с. 483].

**18.** *Бул сүрөттү мен али тартып бүтөлөкмүн* [11, с. 195] / *Я ещё не закончил работу над этой картиной* (подстрочный перевод М.Т.).

**19.** *Жок мен али көңүлдөгүнү табалекмин, иштин баары алдыда* [11, с. 195] / *Нет, я ещё не нашёл желаемого, вся работа ещё впереди* (подстрочный перевод М.Т.).

Как видно из приведённых примеров, при слиянии деепричастной формы со словоформой *элек* её начальная фонема э «выпадает», а также не соблюдается принцип сингармонизма: *угалек*, а не *угалак*, *бүтөлөк*, а не *бүтөлөк*, *табалек*, а не *табалак* – как это происходит, например, в хакасском языке, где также функционирует синтетическая форма.

В хакасском языке форма на /-галак/, как отмечалось выше, представляет собой одну из форм *прошедшего* времени, выражающую *ещё не совершившееся, но ожидаемое действие*:

**20.** *Пу кизи тогызын тоосхалах* / *Этот человек ещё не закончил свою работу.*

**21.** *Суз тоңалах* / *Река ещё не замёрзла* [1, с. 220].

Она выступает также и как причастие:

**22.** «... *үргенгелек хызычах* / *девочка, которая ещё не училась*» [7, с. 122] / *ещё неучившаяся / неучащаяся девочка* (буквальный перевод М.Т.).

В алтайском языке форма /-галак/ «является производной и происходит в результате слияния древнетюркского аффикса глагольного имени /-гы/-гу/ со словом *элек* ‘рано’, которое, в свою очередь, восходит к недостаточному глаголу э: *бар+гы=элек*→*баргы+элек*→*баргалак* ‘ещё не ушёл’... Исследователи определяют её как двухаспектную форму *ещё не совершённого, ожидаемого (или ожидавшегося) действия*» [16, с. 390].

**23.** *Өскөлөкти өчөбө* (погов.) / *‘Над тем, кто ещё не подрос, не насмехайся’* [16, с. 391].

**24.** *Слердин жерде јодро бышкалак турбай* / *‘В вашем крае черёмуха ещё не поспела, оказывается’* [16, с. 298].

В тувинском языке форму на /-галак/ называют причастием *ожидаемого будущего*:

**25.** *Хүн үнгелек* / *Солнце вот-вот взойдёт.*

**26.** *Чараи-оол он сестээлек* / *Чараи-оолу вот-вот исполнится восемнадцать* [17, с. 21, 22].

Следует заметить, что в кыргызском языке эти значения выражаются средствами модальности *намерения*, т. е. пропозиция высказывания кодируется *будущностью*: *Күн чыкканы калды* / *Солнце вот-вот взойдёт*; *Чараи-оол он сегизге толгону турат* / *Чараи-оолу вот-вот исполнится восемнадцать*.

К.К. Юдахин приводит случай (вероятно, единичный) употребления в кыргызском языке синтетической формы с *элек* по хакасскому типу: *көрөлөк* [4, с. 448], что, однако, языковыми фактами не подтверждается.

Следует обратить внимание на то, что в случае сочетания словоформы *элек* с формой множественного числа глагола *эле* (см. таблицу 1) практически наблюдается дублирование *элек* / *элек*, поскольку именно так выглядит в кыргызском языке форма множественного числа глагольной формы *эле*. Ясно, что это вызывает определённые неудобства в восприятии, и поэтому обычно предпочитают использование вместо дублирующего *элек* его смыслового эквивалента *болчубуз*. Однако в сложных конструкциях, в частности, когда словоформа *элек* выступает в составе придаточного предложения, она может вполне гармонично взаимодействовать с формально не отличимым от неё вспомогательным глаголом *элек*:

27. *Концерт бүтө элек болгондуктан, биз аны кутуп калган элек / Поскольку концерт ещё не закончился, мы его дожидались.*

Здесь следует исходить также из семантической двойственности аффикса /-к/, присутствующего в составе как *элек*-причастия, так и *элек*-глагола.

В первом случае он представляет собой формант *статальности* /-к/, который в сочетании *эле* + (*е*)к функционирует по типу *ег-ик*=склонённый, *вик-ик*=согнутый, *тиз-ик*=исправный и т. д. [18, с. 317–319], выражая значение действия в плане статальности (результатив), и это соотносится с характеристикой слова *илик* в якутском и аффикса /-галак/ в хакасском (алтайском и др.) языках как частных.

Остаётся невыясненным вопрос о том, каким образом формируется модальное значение *ещё неосуществлённого* действия, маркером которого является словоформа *элек*.

Она состоит из трёх морфем: *э+ле+к*, причём морфема /э-/ обладает автономностью: она, как выше не раз отмечалось, представляет собой «усечённый» вариант недостаточного глагола *эр* в значении *быть*, т. е. является полнозначным словом.

По мнению И.А. Батманова, «глагол *ег...* по-видимому, в процессе грамматикализации превратился в одних языках (имеющих тенденцию к утрате конечного г) в аффикс «а», а в других – в «ар» для образования глаголов от имён. Впоследствии в одном языке могли встретиться две (в процессе заимствования из двух разных источников) разновидности этого аффикса. С другой стороны, этот же глагол *-er*, очевидно, превратился и в аффикс *-ar*, служащий для образования глагольно-именной формы «...» [7, с. 142; 19, с. 218–220; 20, с. 175].

На фоне этого авторитетного мнения, а также учитывая факт наличия суффикса *-ar* со значением настоящего-будущего времени в родственных хакасском [7, с. 142], алтайском [16, с. 374], тувинском [2, с. 386] и якутском [3, с. 228] языках, полагаем, что можно рассматривать глагольную сему первого компонента /э-/ обсуждаемой словоформы именно в плане настоящего-будущего времени. А в самом кыргызском языке суффикс /-ar/ выполняет функцию маркера предположительности [4, с. 349], что также относится к семантической зоне футуральности.

Здесь относительно грамматического признака первого компонента *э(р)* обсуждаемой словоформы возможны три версии, т. е. он мог представлять собой: а) причастие будущего времени; б) форму третьего лица настоящего-будущего времени глагола в значении *быть* в смысле *являться* (т. е. в англ. *to be: is, are*); в) *основу настоящего времени* глагола в вышеупомянутом значении, следовательно, как и все глагольные основы в тюркских языках мог одновременно представлять *повелительное наклонение*, что также функционирует исключительно в зоне будущности.

Мы склоняемся к последнему варианту как наиболее соответствующему начальной позиции морфемы в составе словоформы *элек*, так как у вариантов (а) и (б) налицо суффиксальное свойство.

Относительно второго её компонента, т. е. аффикса /-ле/, возможны две версии:

а) является фонетическим вариантом аффикса процессуальной интенсивности /-ла/;

б) является фонетическим вариантом ограничительно-выделительной частицы *ла*.

Мы же исходим из аффиксального характера /-ле/ и полагаем, что словоформа *эле* образовалась слиянием глагольной формы /э-/ с аффиксом процессуальной интенсивности /-ла/ с последующей грамматикализацией в функции частицы.

Третьим компонентом словоформы *элек*, как уже отмечалось выше, является формант /-к/, фиксирующий конечное, «имеющее место быть» состояние, т. е. статус, статальность.

Континуум вышеописанных трёх семем: *будущность действия+категоричность+статальность* формирует в конечном итоге значение, «находящееся в готовности к непременно-му осуществлению», т. е. значение, соответствующее тувинской парадигме, где статальность определяется футуральностью дейктического режима описания ситуации. И это не противоречит ни отрицающему (*ещё не...*), ни адвербиальному (*рано, раньше*) значениям, характеризующим речевые ситуации, маркируемые словами *элек*, *илик* и формантами /-галак/-гелек/.

Многие исследователи наличие инициального г аффикса /-галак/-гелек/ при синтетическом способе выражения обсуждаемой модальности связывают с именем действия /-гы/-гу/, который иногда называют также *причастием будущего времени* [21]. Однако мы полагаем, что здесь функционирует тот же описанный выше семантический континуум с той лишь разницей, что вместо деепричастной формы настоящего времени на /-а/-й/ используется аффикс /-гай/, являющийся одним из её фонетических вариантов:

**28.** «...*al-a-man* < *al-a-tur-ur-man* < *al-γaj-tur-ur-man* / я обычно беру, я возьму и т. д.» [22, с. 332].

Причастная форма *элек* подвергалась сильному влиянию ареальных особенностей произношения и в результате постепенно превратилась в суффикс с инициальным компонентом г с фонетическими вариантами.

По-видимому, отрицающее *ещё не...* «вкралось» много позже, переводя в кыргызском, хакасском и других языках (кроме тувинского) дейктический режим в плоскость прошлого-настоящего; способ лексикализации (идиоматизации) через *отрицание* (с целью более эффективной

*констатации*) распространён во всех языках / рус.: *немерено*=много, англ.: *unanswerable* (*неопровержимый*)=*true* (*правдивый*) и т. д.

Изначально форма с *элек/илик/-галак/* представляла форму будущего времени с оттенком уверенности. Известно, что подобные формы встречаются в некоторых индоевропейских языках, в частности, с такой семантикой связано употребление в определённых случаях английского модального глагола *shall*, кроме того, таджикская форма *хоҳад* (аорист глагола в значении *желать, хотеть*) в сочетании с прошедшим временем выражает несомненность, категоричность будущего действия [23, с. 193].

Полагаем, что на каком-то этапе исторического пути развития у словоформы *элек*, а также её фонетических вариантов: *илик* и /-галак/ в кыргызском, якутском, хакасском и алтайском языках стал преобладать нехарактерный их лексическому наполнению семантический статус, описание которого осуществлялось посредством отрицающей семы *ещё не...* Безусловно, этот процесс был неравномерным и достаточно продолжительным, а запущен быть он мог в результате любого речевого акта узкоситуативного характера: случайно обронённая при частной беседе или специально произнесённая на публике, либо употреблённая в дипломатической переписке или прозвучавшая в песне поэта-импровизатора и т. д. и т. п. фраза подобного свойства при соответствующих (предрасполагающих к тому) обстоятельствах могла быть подхвачена другими, постепенно становясь достоянием широких масс в сопредельных ареалах распространения родственных языков. То есть в родственных языках (кроме тувинского) Древней Сибири имел место обычный процесс лексикализации, в результате которой причастная форма с семантикой категорического будущего времени стала нести отрицающее значение (*пока*) *ещё не...*

Размышления о возможных причинах сохранения первоначального значения в тувинском опять уводят нас в сферу гипотез и предположений, поскольку истинные обстоятельства этого явления покрыты беспросветным мраком древности; быть может, этому поспособствовала ограниченность ареальных контактов из-за каких-то геополитических причин.

На сегодняшний день словоформа *элек* (*илик*, */-галак/*) обладает статусно-семантической двойкостью, т. е. она одновременно является и *динамичной*, и *статичной*; первое проявляется в тувинском языке, когда актуализируемая векторность (направленность в будущее) пропозиции эксплицируется при статичности, имплицитной фактивностью прошедшего времени и текущего момента (мгновения); второе отражается в кыргызском, якутском, хакасском и алтайском языках, когда происходит обратное: эксплицитна актуализируемая статичность при имплицитности ожидаемого действия в ближайшем будущем.

Важно отметить, что семантическая бинарность, продемонстрированная в таблице 3, является основной характеристикой словоформы *элек / илик /-галак/* и её модальная сущность непосредственно связана с импликацией, так как именно в ней проявляется субъективность говорящего; следует также подчеркнуть *контекстуальную* формируемость импликации; например, Е.И. Коркина по этому поводу относительно слова *илик* писала: «Значение настоящего времени наклонения неосуществлённого действия состоит в квалификации действия как ещё не совершившегося в момент речи. Притом оно не содержит обязательного оттенка ожидания совершения несовершенного действия» [5, с. 247], тогда как Н.Е. Петров утверждал: «...частица *илик* действие не изменяет, а лишь характеризует его с точки зрения говорящего так, что оно ещё не совершилось, хотя намечено, ожидается» [6, с. 120]. Это свидетельствует о бинарности семантики формы с *элек/илик/-галак*, только она по-разному проявляется: иногда сильно, иногда слабо, а бывает, когда создаётся впечатление,

что импликация вовсе отсутствует. Это зависит 1) от контекста описываемой ситуации; 2) от языка, так как лексикализация происходила по-разному в зависимости от гетерогенных факторов в соответствующем ареале. Очевидно, бинарность категорического будущего времени в тувинском языке обнажилась «благодаря» его лексикализации в родственных языках (она всё же прошла не без влияния на тувинский язык), придавая «былой» категоричности некоторый оттенок размытости.

Таким образом, у нас имеется достаточно оснований, чтобы усомниться по поводу наличия монгольского фактора в происхождении тюркских аналитической (с причастиями *элек/илик*) и синтетической (с формантом *-галак*) форм, выражающих модальность ещё неосуществлённого действия.

Дело в том, что данная версия, рассматриваемая ныне как основная при этимологизации этих форм, строится на *аналогии*: в монгольском языке имеется архаичная форма, представляющая собой сочетание причастия настоящего времени на *-а* с отрицанием *edüi* [9, с. 84–86], которое очень напоминает рассматриваемый нами деепричастный оборот */-а/-й +элек/илик* не только формально, но и семантически, что и служит главным образом основанием для гипотезы о его заимствованности у монгольского языка.

Одним из аргументирующих положений версии является то, что «наличие форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах, не может быть случайным» [9, с. 87], с чем трудно спорить. Однако в рамках данного положения обсуждаемый факт формально-парадигматического совпадения в разных, но ареально-контактировавших

Таблица 3 – Пример функционирования форманта */-галак/* в тувинском языке в контрастивном сопоставлении с кыргызским языком

| Высказывание с использованием словоформы <i>элек</i>           | Смысл высказывания                               |   |
|--|--|---|
|  | Актуализируемое значение, выражаемое эксплицитно | Неактуализированное значение, выражаемое имплицитно |
| На тувинском языке:<br><i>Хүн үнгелек</i>                      | <i>Солнце вот-вот взойдёт</i>                    | <i>Солнце всё ещё не взошло</i>                     |
| На кыргызском языке:<br><i>Күн (али) чыгалекек / чыга элек</i> | <i>Солнце всё ещё не взошло</i>                  | <i>Солнце вот-вот взойдёт</i>                       |



языках может быть трактован с несколько иной, чем в упомянутой версии логикой, если подойти к проблеме с точки зрения исторической хронологии; так, все компоненты словоформы *элек*: древнетюркский глагол *э-* в значении *быть*, формант *ла* в функции частицы (и аффикса), а также формант статальности */-к/* относятся к периоду не позднее *древнетюркского*, который, как известно, датируется примерно 160–730 гг. нашей эры [18, с. 313–319; 252; 792].

Как отмечает Н.Н. Широбокова, причастие настоящего времени монгольского языка, имеющее отношение к обсуждаемой форме, отмечено в памятнике XVII в. «Алтан Тобчи» («Золотой Свод»), хотя имеется версия о том, что автор «Алтан Тобчи» использовал текст «Сокровенного Писания монголов» на уйгуро-монгольском алфавите, относящийся к XIII в. [9, с. 85]. Это свидетельствует о существовании словоформы *элек* с соответствующей семантикой в древнекыргызском языке задолго до появления вышеуказанных монгольских источников.

Таким образом, получает подтверждение выдвинутая Н.Н. Широбоковой и Г.Г. Филипповым гипотеза о древнекыргызских корнях этой формы в якутском языке [9, с. 82; 10, с. 128].

Безусловно, факт «наличия форм, совпадающих по специфической семантике в контактных языковых ареалах» [9, с. 87], не может быть игнорирован и невозможно его объяснить ничем, кроме как заимствованием. Считаем, что монгольская форма *причастие настоящего времени /-а/ + отрицание edii* представляет собой, скорее всего, кальку с якутского языка, так как сведения учёных «о длительном якутско-монгольском двуязычии» [9, с. 18] указывают на наиболее тесное контактирование этих языков.

Подытоживая вышеизложенное, приходим к заключению о том, что:

- формирование обеих словоформ кыргызского языка: *эле-частицы* и *эле-глагола* – непосредственно связано с древнетюркским недостаточным глаголом *э(р)* в значении *быть*;
- формирование *элек-причастия* и *элек-глагола* непосредственно связано с *эле-частицей* и *эле-глаголом* соответственно;

➤ парадигма выражения *ещё неосуществлённого действия* реализуется посредством двух грамматикализованных форм:

1) сочетанием деепричастия настоящего времени на */-а/-үй/* со служебным причастием *элек*;

2) сочетанием деепричастия настоящего времени на */-гай/* со служебным причастием *элек*; при этом парадигма (1) является общей для кыргызского и якутского языков, а парадигма (2) является общей для других, в частности, алтайского, хакасского и тувинского языков;

➤ древнекыргызская словоформа *элек* в функции причастной формы поддается обычной семантической *декомпозиции*, т. е. она разложима на более элементарные части, что указывает на *аддитивный принцип* её формирования: для обеих парадигм общим является семантический континуум: «*будущность действия + категоричность + статальность*», на основе которого формируется значение, «*находящееся в готовности к неперемennomu осуществлению*», отражающее *квинтэссенцию* модальности неосуществлённого действия (события) с перманентной устремлённостью к осуществлению.

Поступила: 27.04.23; рецензирована: 16.05.23; принята: 19.05.23.

#### Литература

1. Грамматика хакасского языка / ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1975. 418 с.
2. Исхаков Ф.Г. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Е.Н. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.
4. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе, 1985. 2-я кн. 480 с.
5. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке / Е.И. Коркина. М.: Наука, 1970. 308 с.
6. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке / Н.Е. Петров. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 300 с.
7. Карпов В.Г. Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке / В.Г. Карпов. Абакан, 2014. 164 с.

8. *Лувсандоржийн Б.* Исторические связи монгольского языка с саянскими тюркскими языками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1996. 40 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyki-tiurkov/istoricheskie-svazi-mongolskogo-jazyka-s-sajanskimi-tjurkskimi-jazykami.html> (дата обращения: 19.04.2023).
9. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н.Н. Широбокова. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
10. *Филиппов Г.Г.* Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование / Г.Г. Филиппов. Якутск, 2014. 606 с.
11. *Айтматов Ч.* Чыгармаларынын жыйнагы. Повесттер жана аңгемелер / Ч. Айтматов. Бишкек: Шам, 1999. Т. 1. 432 б.
12. Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Л.М. Горелова [и др.]. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1984. 192 с.
13. *Тойчиев М.Т.* Принципы актуализации модальности предположения: дис. ... канд. филол. наук / М.Т. Тойчиев. Хорог, 2021. 200 с.
14. *Айтматов Ч.* Чыгармаларынын жыйнагы. Роман жана аңгемелер / Ч. Айтматов. Бишкек: Шам, 1999. Т. 4. 452 б.
15. *Айтматов Ч.* Повести и рассказы / Ч. Айтматов. Фрунзе: Кыргызстан, 1978. 620 с.
16. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / И.А. Невская (отв. ред.), Н.Д. Алмадакова, А.Н. Майзина [и др.]. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
17. *Шамина Л.А.* Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке / Л.А. Шамина, Ч.С. Ондар. Новосибирск, 2003. 242 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского мира по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
19. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Э.В. Севортян. М.: Наука, 1974. 767 с.
20. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев [и др.]. Л.: Наука, 1969. 717 с.
21. *Тазранова А.Р.* Семантика аналитических конструкций с формой предположительного наклонения на =ГАдЫй в алтайском языке / А.Р. Тазранова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 3 (36). С. 91–99.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
23. *Арзуманов С.Д.* Забони тоҷикӣ / С.Д. Арзуманов, О.Д. Джалолов. Душанбе: Ирфон, 1969. 417 с.